

ЭТО НАДО ВИДЕТЬ

Не то чтобы новая, не то чтобы книга

Виталия Вульфа *Жен. обзор. "Ex libris НР" - 1999. - 28 экз. - 1. "Независимая газета" - с. 5*

Анна Максимова

Виталий Вульф. Театральный дождь. Заметки и эссе. — М.: Знание, 1998. — 192 с. — Серия «Мир искусств», № 4.

НЕ ЗНАЕТ телепередачи «Серебряный шар» и ее ведущего Виталия Вульфа, наверное, только тот, у кого нет телевизора. Телевизор есть у всех, стало быть, знают все. Однако что-то не устраивает Виталия Вульфа в этом знании, потому что его новая книжка так и начинается словами: «Эта книга написана не автором телевизионных программ «Серебряный шар...». Кем же?! «...зрителем московских театров, читателем театральных библиотек и западных русских книгохранилищ». Что же, людям творческим рано или поздно становится тесно в собственных рамках, это понятно. Хочется почувствовать себя другим, новым. Какой он, новый Вульф?

«Заметки и эссе» собраны в пять серий, как автор сам называет их в предисловии. Первая посвящена балету. Вот характерный абзац: «Случаются исключительные натуры, которых природа наделила гениальностью и силой духа, чтобы сохранить себя в неприкосновенности и уйти, оставив после себя прекрасную легенду», — это о Галине Улановой, но, согласитесь, подобный набор общих фраз можно отнести ко многим. Когда дело касается справочно-биографических сведений, Вульф точен, корректен, ссылается на газетные рецензии, интервью, мемуары, на слова самих героев и их коллег, сказанные автору, — ведь он был со многими знаком, вхож во многие артистические семьи. Когда же доходит до собственных авторских описаний и оценок — чего-то не хватает. «Помню отчетливо ее в партии Тао-Хоа в балете Глиера «Красный мак», ее грацию, изящество, утонченность; Марию в «Бахчисарайском фонтане» Асафьева, танцевальная партия была скучная, а язык пластических реплик неотразим». Это снова об Улановой, и снова ничего конкретного. «Грация и изящество» присущи балету вообще, тем более русскому классическому.

Следующая серия статей посвящена мхатовцам — прославленным «старикам» первого, второго поколений, — но то же самое: при фантастической бедности языковых изобразительных средств, постоянном перескакивании с пятого на десятое, предмет описания куда-то ускользает и никак не хочет фокусироваться.

Монолог Святослава Рихтера, записанный на видео за несколько месяцев до смерти пианиста и показанный на телевизионном фестивале, вряд ли выиграл от сокращения и пересказа того, что при этом на экране. Может быть, когда-нибудь, к очередному юбилею нам покажут эту запись...

А эпизод с «пренебрежительной улыбкой» Юрия Завадского

после публикации в «Новом мире» цветаевской «Повести о Сонечке» с убийственной характеристикой будущего главрежа Театра Моссовета был бы уместнее в разговоре о Завадском, но не о Цветаевой.

Лишь в серии «Эмигранты», а точнее, в статье об Ольге Чеховой, где Вульф приводит цитаты из писем и ее собственной книги «Мои часы идут иначе», появляется некий занимательный сюжет, впрочем, не литературный, а чисто авантюрный. Ведь мемуары актрисы не дали ответа на главный вопрос: за какие услуги НКВД после войны благоволил к ней и даже наградил, и наградил ли? И то сказать, год назад в «Серебряном шаре» прошла передача об этой загадочной «придворной» актрисе Третьего рейха — с кадрами из старых фильмов, фотографиями. Вот этого и не хватает Вульфу-писателю — изобразительного ряда. Как говорится, это надо видеть.

Так что напрасно Вульф откестился от своего апмлуа телевизионного ведущего.

Галина Уланова. 1960-е годы.